

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ВОЛЧЬЕЙ ТРОПОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Волчьей тропой / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (ИГЛА. Особый отряд СМЕРШ).

ISBN 978-5-04-247552-8

1943 год. В ходе войны намечается перелом в пользу Красной армии. На фронтах идут ожесточенные бои. Непокойно и в тылу: участвовавшие вылазки немецких диверсантов наносят огромный вред. Для борьбы с отборными агентами абвера в структуре СМЕРШ создается особый отряд с кодовым названием «Игла». Его командир полковник Егор Завалкаев включает туда самых проверенных и отчаянных бойцов. Первое задание — обнаружить и уничтожить действующую на территории Польши школу подготовки диверсантов. Ночью, в условиях полной секретности, группа десантируется в незнакомом районе и тут же попадает в ситуацию, предусмотреть которую было невозможно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2026
ISBN 978-5-04-247552-8 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

29 апреля 1943 года совещание у Сталина на «Ближней даче» закончилось около двух часов ночи. Комиссар госбезопасности 2-го ранга Абакумов сразу же выехал к себе в Главное управление контрразведки Смерш.

Пятеро старших офицеров, вызванные на срочное совещание в половине третьего ночи, вошли в кабинет Абакумова и удивленно переглянулись. Здесь были не все руководители отделов, а только те, кто непосредственно связан с оперативной работой. Это начальник 1-го отдела полковник Горгонов, занимавшийся агентурно-оперативной работой в центральном аппарате Наркомата обороны. Подполковник Карташев — начальник 2-го отдела, в чьи задачи входила работа среди военнопленных, проверка военнослужащих Красной армии, бывших в плену. Начальник 3-го отдела полковник Утехин, в чьи обязанности входила

борьба с агентурой, забрасываемой в тыл Красной армии. Полковник Тимофеев — начальник 4-го отдела по работе на стороне противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной армии. Пятым был майор Збраилов — начальник 10-го отдела, который в номенклатуре управления проходил как отдел «С».

Комиссар государственной безопасности стоял возле письменного стола. Большой кабинет с обшитыми деревом стенами, несмотря на позднюю ночь, был хорошо освещен. Подчиненные хорошо знали, что Виктор Семенович любил во всем основательность. Если изучение вопроса, то до мелочей, если подготовка, то максимально тщательная. Если освещение в кабинете во время совещаний, то полное. Чтобы хорошо видеть лица, глаза подчиненных. Да и сам комиссар госбезопасности 2-го ранга выглядел внешне человеком основательным — крепкое телосложение, правильные черты лица, высокий лоб и темные волосы, гладко зачесанные назад. Взгляд внимательный, уверенный. Взгляд человека, который умеет ломать психологически, да и физически тоже. Это знали все подчиненные Абакумова.

— Прошу садиться товарищи, — комиссар госбезопасности кивнул офицерам на длинный стол для совещаний.

Совещание началось не с докладов подчиненных, а с информации, которую доложил сам Абакумов. Он снова заговорил о задачах Смерш, о структуре организации. Для начальников вызванных отделов было непонятно, почему только они пятеро сейчас находились в кабинете. Кое-что стало проясняться, когда Абакумов напомнил, что название для органов контрразведки придумал сам товарищ Сталин.

— Наша контрразведка именуется теперь Смерш, то есть «Смерть шпионам». На этом настоял сам товарищ Сталин! — Абакумов объявил присутствующих суровым взглядом. — Прошу всех помнить и учитывать это. Товарищ Сталин будет лично интересоваться работой Смерш. Наша работа шире, чем казалось раньше. Не «Смерть немецким шпионам», как предлагалось раньше назвать нашу контрразведку, не «Смерть иностранным шпионам». Всем. Любым! И нам с вами, товарищи, придется сталкиваться с разведкой не только германской. Поэтому я предлагаю не замыкаться в прошлых рамках работы армейской контрразведки, а идти вперед, предлагаю новаторство, большую гибкость в работе. Быть на шаг впереди нашего врага. Нам нужно создавать новую структуру в рамках Смерш Наркомата

обороны — Особый отряд Смерш под оперативным наименованием ИГЛА.

— Отряд пройдет по десятому отделу? — деловито спросил майор Збраилов — матерый, самый опытный оперативник среди подчиненных Абакумова, только что получивший майорские погоны.

— Нет, Леонид Максимович, — покачал головой Абакумов. — Этот отряд будет выведен за структурную сетку управления, но личный состав, который мы туда наберем, останется в штате ваших отделов. Такой подход позволит нам не рассекречивать деятельность этого отряда в текущих документах управления. Так мы сможем в значительной мере избежать утечки информации. А сейчас я вам представлю командира Особого отряда Главного управления Смерш Наркомата обороны.

Абакумов чуть наклонился к боковому столу с селектором и, нажав кнопку, осведомился:

— Полковник Завалкаев в приемной?

Сотрудники за столом переглянулись. Завалкаев? Тот самый? Егор Степанович? Так он живой? А вроде говорили, что он в Испании погиб? Или в боях во время финского похода Красной армии? Многие слышали об этом человеке, который не только стоял у истоков во-

енной контрразведки, но и был признанным специалистом в разведывательно-диверсионной деятельности. Он развивал это направление в войсках, не только досконально изучив деятельность вражеских разведок на территории СССР, но и познакомившись с их методами на многих войнах, во время многих боевых столкновений.

Дверь открылась, и в кабинет вошел мужчина ростом выше среднего, ничем не примечательной внешности, в военном кителе с погонами полковника и двумя орденами Красного Знамени. Широкое открытое лицо, высокий лоб, зачесанные назад светлые волосы и холодные серые глаза, в которых не было ни капли эмоций.

— Товарищ комиссар государственной безопасности, — начал докладывать полковник, но Абакумов прервал его жестом руки:

— Надеюсь, представлять вам полковника Завалкаева особой нужды нет? — спросил он, обведя взглядом офицеров. — Прошу садиться, Егор Степанович. Изложите товарищам ваше видение и главное направление деятельности отряда ИГЛА, о котором мы с вами говорили.

38-летний полковник Завалкаев сразу оценил идею Абакумова, которую тот предложил две недели назад на заседании Государствен-

ного комитета обороны. В этом предложении заместителя наркома обороны и руководителя перестроенной советской военной контрразведки Завалкаев увидел то, что созревало в его собственной голове не первый год. Не выявлять на местах, не сидеть и ждать, когда в армейскую среду, в тыл тебе забросят очередного агента или группу агентов.

— Как говорят у нас в Сибири, — звучал сильный баритон полковника, — если хорь повадился кур воровать, то, сколько ты курятник не чини, он лазейку себе снова найдет. Так и в нашем деле — нужно активное боевое противостояние вражеской разведке. Хватит только ловить диверсантов, ждать их на своей территории. Нужно ликвидировать разведывательные школы, добывать документы этих школ с адресами и явками уже заброшенных агентов абвера. Уничтожать крупных разведчиков по ту сторону линии фронта, где они чувствуют себя в безопасности. Смерть им — это хорошо сказано в нашем новом названии. Такая вот война у нас — это не Халхин-Гол, не Финляндия. Тут либо существовать нам на земле, либо нет.

— Я еще добавлю к словам полковника, — вставил Абакумов. — Это мы тоже обсуждали. Нужно устанавливать предателей и пособ-

ников, особенно тех, кто участвуют в карательных операциях против советского народа, оставшегося на временно оккупированной территории, документировать преступления врага против человечности, с тем чтобы он понес ответственность не только перед советским народом, но и перед международным трибуналом. Нам нужны связи этих людей. Именно из этой среды враг черпает агентов, люто нас ненавидящих. Полковнику Завалкаеву предоставляется право отбирать в свой отряд сотрудников любых отделов и подразделений Смерш, включая и центральный аппарат. Прошу препятствий не чинить. За этим я прослежу лично.

...Уважение к полковнику — это одно, а вот отдавать своих сотрудников, своих опытных заслуженных оперативников никто не хотел. Но приказ есть приказ. И война идет уже два года. И конца и краю ей не видно.

Офицеры расходились, переговариваясь вполголоса. Но обсуждали больше сам факт, что Завалкаев, оказывается, жив и что этот человек способен на многое. Говорили о том, как Егор Степанович себя и на Дальнем Востоке проявил, и в Испании, налаживая контрразведку у республиканцев. А в зимнюю финскую кампанию он в наших тылах диверсантов ло-

вил и за линию фронта за языками ходил. Пару диверсий, которые он организовал с обычными бойцами, а не со специально подготовленными диверсантами, удивляли самых опытных командиров. Талант был у полковника, настоящий талант. Понятно, почему Абакумов его разыскал и доверил такое важное дело.

— Вот тебе, Егор Степанович, первое задание, — заговорил Абакумов, усевшись за стол переговоров напротив полковника, когда разошлись начальники отделов. — Времени на раскачку у нас нет. Готовиться к операции будешь одновременно с подбором подчиненных.

— Я понял, товарищ комиссар госбезопасности, — кивнул Завалкаев. — Есть мысли, вспомнил кое-кого. А через опытных ребят и остальных подберу. Людей нужно много, несколько операций придется проводить одновременно, я так понимаю ситуацию. И тесный контакт с отделами нужен. Не все только силами Отряда ИГЛА придется делать. Часть вспомогательных действий будут проводить местные оперативники. А ИГЛА на самом острие операций, простите за сравнение.

— Очень правильное сравнение, полковник, очень правильное, — согласился Абаку-

мов. — В этом весь смысл твоего отряда. Уколы точные, смертельные, в самое сердце. Не бомбовый удар, а именно укол. И чтобы потом после него работать можно было.

Абакумов поднялся, взял со своего стола картонную папку и положил на стол перед Завалкаевым.

— Первое твое дело. Материалы посмотришь потом, а суть задания следующая. Если коротко: есть у нас пара перехваченных радиogramм, есть показания одно пленного диверсанта. Нас интересует разведшкола, которая активно готовит и забрасывает агентуру в наши дальние тылы — в основном в промышленные районы, на военные заводы. Задача — разведка, вербовка, похищение документов и диверсии. Надо этот гнойник прихлопнуть на месте, а заодно захватить их архив с адресами, паролями, явками. Они примерно полгода уже забрасывают к нам агентов. Вот и надо установить, где кто осел, по каким документам и с какими целями. Личные дела курсантов, инструкторов, преподавателей школы.

— Примерный район дислокации школы известен?

— Да, генерал-губернаторство, как они теперь величают Польшу. Примерно восточная часть Варшавского дистрикта. Бывшее Мазо-

вещкое воеводство. Сам понимаешь, что мы туда полк парашютистов отправить не можем. Это не войсковая операция.

— Это как раз понятно, — кивнул полковник. — Немецкими разведшколами я не занимался, на оккупированных фашистами территориях не был. Поэтому, товарищ комиссар госбезопасности, на эту операцию я пойду сам.

— Ну знаешь... — возмутился Абакумов. — Я тебя сюда назначаю не для того, чтобы ты там за линией фронта с автоматом бегал. Твое дело организовать людей, потренировать, подготовить и отправить. И в короткий промежуток времени.

— Раз вы меня на такое дело назначаете, — упрямо возразил Завалкаев, — то разрешите действовать так, как мне виднее. Я отвечаю за результат операции. Мне нужно понять, как работает на оккупированных территориях немецкая администрация. Как налажена служба местной полиции, служба полевой немецкой жандармерии, частей самого генерал-губернаторства. В том числе как организована работа самой школы. Чтобы наладить работу отряда так, как вы ее видите, мне нужно сначала самому все опробовать и почувствовать. Я не могу отправлять людей незнамо куда. Будут боль-

шие потери, и в результате мы перед немцами «засветим» свои планы. Вы же опытный контрразведчик, Виктор Семенович, вы же понимаете, чем мы рискуем. Я погибну — не беда. Найдете другого толкового оперативника и организатора. А вот «засветить» наш интерес к школам в таком масштабе — это крах всей идеи. Абвер моментально почувствует угрозу и примет контрмеры. И тогда все осложнится.

— Все равно абвер на второй или третий раз поймет, что мы школами интересуемся и уничтожаем их по тылам, — ворчливо произнес Абакумов.

— Это неизбежно, — согласился полковник. — Но до этого мы должны успеть многое сделать. Это во-первых. Во-вторых, все зависит от тактики, которую мы будем применять. И в-третьих, мне нужна помощь Пономаренко. Мне нужны данные Штаба партизанского движения, связь с отрядами. Без их помощи на местах мы будем тыкаться, как слепые котята, и терять много времени на изучение обстановки.

— Ну это ты, брат, загнул, — покачал Абакумов головой. — Это уже Польша. Хотя... связи, может, и нет, но какие-то сведения у Штаба, я думаю, есть и по партизанскому движению на территории Польши.

* * *

Полковник Завалкаев остановил выделенную ему для служебного пользования «эмку» и, открыв дверь, несколько минут любовался архитектурой усадьбы Воронцова-Дашкова. Здесь, в селе Быково Раменского района, располагалась войсковая часть № 88, о которой мало кто знал в армейских кругах. Часть здания была скрыта разросшимися деревьями и кустарником. За время войны этот исторический памятник порядком запустили. Совсем недавно здесь располагался эвакогоспиталь № 1851.

Где-то совсем рядом слышались хлесткие пушечные выстрелы, и Егор Степанович вышел из машины. Созерцание придется отложить. Он не спал вторые сутки, и даже короткая передышка в несколько минут казалась великим благом.

Школа по подготовке разведчиков-диверсантов существовала с 1941 года и только меняла место дислокации. На полигоне шли занятия по стрельбе, и Завалкаев поспешил именно туда. Увидев темноволосого мужчину с орлиным профилем в комбинезоне, который стрелял по мишеням из трофейного пистолета, полковник обрадовался. Это был как раз

тот человек, которого он искал. Пограничник, капитан Воронин! И все тот же внимательный, чуть с прищуром взгляд, тот же поворот головы и упрямо сжатые губы. В 1941-м под Смоленском он с несколькими бойцами взорвал мост на реке Хлусовке, когда по нему шла немецкая колонна, не дал врагу выйти во фланг нашей обескровленной дивизии и фактически спас положение, дал возможность закрепиться советским частям на новом рубеже. Примечательно, что он провел эту лихую операцию почти без подготовки и не потерял ни одного человека. До войны Воронин служил на западной границе заместителем начальника погранотряда по боевой подготовке, хорошо знал немецкий и польский языки.

Пограничник закончил стрельбу и, вытащив из немецкого «люгера» пустую обойму, положил ее вместе с оружием на стол. Он что-то стал говорить стоявшему рядом курсанту, показывая на «грудную» мишень в 25 метрах впереди.

Завалкаев не стал подходить к огневому рубежу и остановился поодаль. Он услышал, как Воронин недовольно проворчал что-то про большое начальство, чьи визиты мешают процессу обучения. Полковник сдержал хитрую улыбку и решительно подошел к стрел-